

избавил меня. Я пишу об этом потому, что те, кто слышал о них, не теряли веру в Господа в час своих испытаний и убеждались, что Он готов помочь им, как помог мне.

Первым делом позвольте поведать, как по прибытии короля в Акру все священнослужители и горожане большим шествием вышли к берегу, чтобы с большой радостью встретить его. Кто-то подвел мне коня, но, сев в седло, я почувствовал слабость и попросил человека, который привел коня, поддержать меня, потому что боялся, что могу упасть. С большим трудом я поднялся по ступенькам королевского зала и, войдя, сел у окна. Рядом со мной стоял маленький мальчик, лет десяти от роду. Это был Бартелеми, незаконный сын Ами де Монбельяра, хозяина Монфокона.

Меня никто не замечал, и я продолжал сидеть здесь, когда ко мне подошел слуга в красной накидке с двумя желтыми полосами. Он поклонился мне и спросил, знаю ли я его. Я сказал, что нет, не знаю. Тогда он сказал, что прибыл из замка моего дяди в Уазле. Я осведомился, чьим слугой он был, и он ответил, что ничьим, но хотел бы остаться при мне, если я того пожелаю. Я был бы очень рад нанять его, сказал я ему. Затем он отошел и принес мне какую-то белую шляпу, чтобы прикрыть голову, после чего очень аккуратно причесал мне волосы.

Вскоре король послал за мной, чтобы я отобедал с ним. Я отправился к нему в коротком плаще, который во время моего пребывания в заключении сделал из остатков одеяла. То, что осталось от одеяла, вместе с четырьмя мотками шерсти я дал маленькому Бартелеми. Мой новый прислужник, Гуйимин резал для меня мясо и, пока мы сидели за обедом, отнес еду мальчику.

Гуйимин пришел сказать, что нашел комнату для меня рядом с ванными, где я могу смыть грязь и пот, принесенные из тюрьмы. С наступлением вчера я опустил в свою ванну, но вдруг у меня закружилась голова, и я потерял сознание. Мой слуга с большим трудом вытащил меня из ванны и отнес в постель. На следующий день старый рыцарь Пьер де Бурбон пришел повидаться со мной, и я взял его к себе на службу. Он исправно был при мне в городе, обеспечив необходимой одеждой и всем прочим.

Как только на четвертый день нахождения в Акре я обрел подобающий вид, то отправился повидаться с королем. Он упрекнул меня, сказав, что я был не прав, так долго не приходя к нему. Он приказал мне, если я ценю его любовь, каждый день приходить и делить с ним трапезу, утром и вечером, пока он не решит, что ему делать – то ли возвращаться во Францию, то ли оставаться за морем.

Я рассказал королю, что Пьер де Куртене задолжал мне четыреста ливров из моего жалования и отказывается возвращать их. Его величество ответил, что возместит мне эту сумму из денег, которые должен Пьеру де Куртене, что он и сделал. По совету Пьера де Бурбона мы оставили сорок ливров на текущие расходы, а остальные вручили на хранение управляющему дворцом ордена храмовников. Когда эти сорок ливров были потрачены, я послал отца Жана Кайма из Сент-Менеу, которого взял с собой за море, принести мне такую же сумму. Управляющий сказал ему, что у него нет никаких моих денег, и вообще он меня не знает.

Поэтому я отправился повидаться с братом Ренье де Вишье, которому король в обмен на то внимание, что храмовники оказали ему во время пленения, помог стать гроссмейстером ордена храмовников. Я пожаловался на его управляющего, который не возвращает мне деньги, отданные ему на хранение. Услышав это, гроссмейстер возмутился и сказал мне: «Мессир Жуанвиль, я испытываю к вам большую симпатию, но должен предупредить вас, что, пока вы не откажетесь от своего требования, я не могу считать вас своим другом. Ибо вы пытаетесь убедить людей, что члены нашего ордена воры». Я ответил ему, да благословит меня Господь, что не отзываю своего требования.

Целых четыре дня я был в тяжелом положении, как и должен чувствовать себя человек, у которого нет денег на расходы. В конце этого срока ко мне пришел гроссмейстер ордена храмовников и, улыбаясь, сказал, что нашел мои деньги. Что касается того, как они были найдены, я могу сказать лишь, что он отправил управляющего дворцом в деревушку Сефури, а тот, кто пришел на его место, вернул мои деньги.

Епископ Акры, который, кстати, был родом из Прованса, предоставил в мое распоряжение дом, принадлежащий священнику прихода Святого Михаила Жану Кайму из Сент-Менеу, который преданно служил мне последние два года и был одним из тех, кто остался у меня на службе.

У изголовья моей кровати была небольшая прихожая, через которую можно было пройти прямо в церковь. И так уж получилось, что, сотрясаемые длительными приступами лихорадки, и я, и мои люди оставались прикованными к кроватям. В течение всего этого времени не было дня, ко-